

НА БОЛЬШОЙ НИКИТСКОЙ СЫГРАЛИ ТИШИНУ

В Москве прошли концерты к 90-летию самого знаменитого авангардного композитора XX века Джона Кейджа

Век. Москва. 2002 - 10
Аркадий ПЕТРОВ *сем. - с. 7*

А вместе с тем он сотрудничал с крупнейшими американскими архитекторами, поэтами, художниками (Робертом Раушенбергом, Виллемом де Кунингом). У Кейджа немало собственных гравюр и графических рисунков. Его учитель Арнольд Шенберг говорил, что «...это не композитор, а изобретатель, но — гениальный». Кейдж и правда не имел ничего общего с привычной классико-романтической эстетикой — писал для ансамблей ударных, для «подготовленного фортепиано», между струнами которого прикреплялись кусочки резины, дерева, стекла, металла; ввел обыкновение играть на рояле пальцами струны — как на арфе. А главное — утвердил принцип алеаторики (от латинского alea — игральная кость, жребий, случайность), предполагающий мобильность и незакрепленность музыкального текста.

В 1952 году Кейдж создал музыкальный аналог знаменитому «Черному квадрату» Малевича — фортепианную композицию «4.33». Это значит: четыре минуты 33 секунды... чистого молчания. Впрочем, предполагалось, что какие-то звуки в зале все же будут — откашливания слушателей, шелест программками, негромкие разговоры. Кейдж был верным последователем метафизических концепций дзен-буддизма — отсюда у него такое количество неспешных, медитативно «замедленных», порой как бы «застывших» произведений.

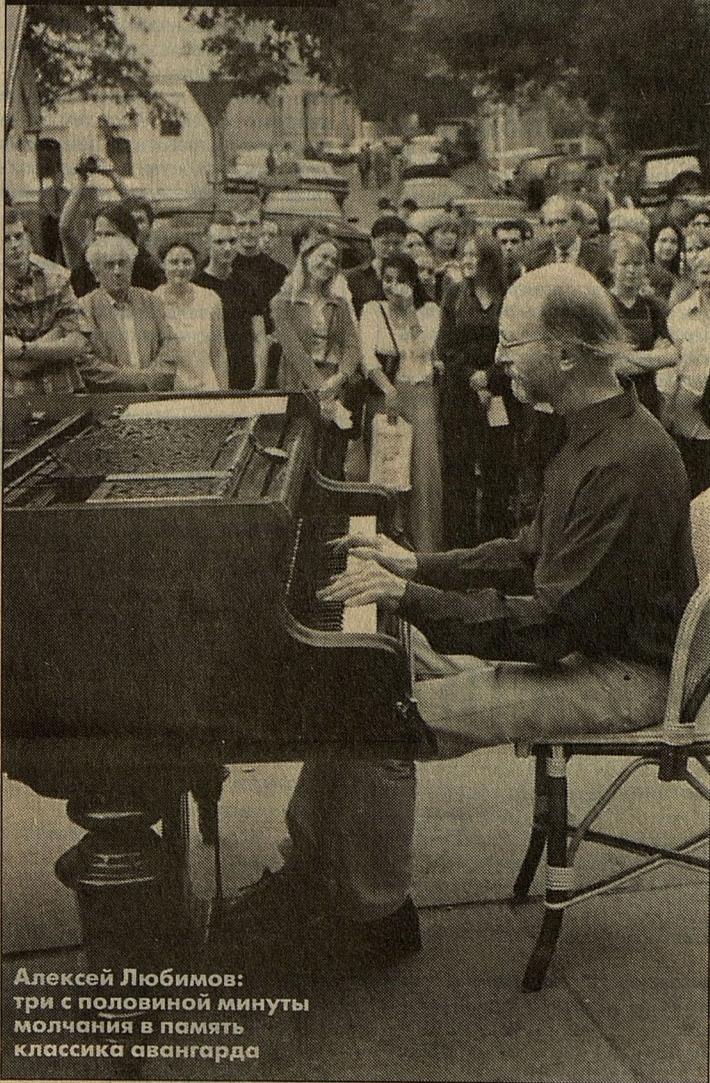
Среди поклонников этой удивительной звуковой философии был и пианист Алексей Любимов. Впервые он сыграл музыку Кейджа еще в 1969 году. И вот сейчас, к 90-летию юбилею композитора (и 10-летию со дня его кончины) Любимов вместе с директором популярного клуба «ДОМ» Николаем Дмитриевым, певицей и музыковедом Светланой Савенко, пианистом Михаилом Дубовым и двумя десятками молодых исполнителей провел в Малом зале консерватории кейджевский мини-фестиваль «Пустые слова в тишине».

Впрочем, в Малом зале было лишь продолжение концерта. А начало состоялось на пленере, на Большой Никитской, прямо у ног памятника Чайковскому. Казалось, что композитор, хитрово прищурившись, поглядывает на происходящее. Сначала пара дюжих

КЕЙДЖ — американский композитор-экспериментатор, живописец и философ. Сейчас это мировая величина, а лет тридцать-сорок тому назад его знали в России лишь несколько элитных музыкантов — Рождественский, Шнитке, Алексей Любимов, Денисов. И в Америке, и в Европе Кейдж в те годы имел реноме «чудика», музыканта-скандалиста, «городского сумасшедшего».

новенно напрягся, застыл — и не менял позы все четыре с половиной минуты, напоминая персонажа из Музея восковых фигур мадам Тюссо. Публика (собралось человек двести) слушала эту музыку без звуков с такой же сосредоточенностью. Прохожие (естественно, никогда не слышавшие имени Кейджа) присоединялись к меломанам, пытаясь понять, что тут происходит. Наконец, знаменитые четыре с половиной минуты миновали. Раздались громовые аплодисменты. Любимов долго кланялся, поднимая над головой ноты.

Вслед за этим театральным

Алексей Любимов: три с половиной минуты молчания в память классика авангарда

молодцов выкатили на гранит кабинетный рояль. Потом Любимов присел за инструмент, приспособил на попире свои наручные часы, как-то вдох-

прологом последовал почти трехчасовой концерт в Малом зале — ретроспектива раннего, среднего и позднего периода творчества Кейджа.

393